

КОММУНАЛЬНАЯ КВАРТИРА «СТРОГОГО РЕЖИМА»: НАСЛЕДИЕ ГУЛАГА В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ КРИМИНАЛЬНОЙ СУБКУЛЬТУРЕ МЕСТ ЗАКЛЮЧЕНИЯ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ. Резюме

Иван Пешков

Сообщества заключенных, как и большинство сообществ с высоким культурным и этническим разнообразием, могут решать проблемы межнационального взаимодействия конфликтными и неконфликтными способами. Специфика пребывания в условиях ограничения свободы заставляет ожидать резкого обострения межнациональных противоречий. Однако существуют примеры, когда именно сообщества заключенных оказываются способны управлять конфликтами на национальной почве. Таким примером являются места заключения на территории Восточной Сибири, удивительно равнодушные к доходящим «с воли» импульсам ксенофобии. Несмотря на то, что сами заключенные объясняют это спецификой неписанного права («понятий»), не разделяющего людей по происхождению или на основании физических черт, можно предположить, что мы имеем дело с более сложной системой управления культурным и этническим разнообразием – системой, в рамках которой возможны одновременно манифестация этнической солидарности и ограничения ее дееспособности. Генезис этой модели восходит к тюремной субкультуре ГУЛАГа, в которой советские культурные матрицы были адаптированы к культуре многонационального сообщества советских заключенных. Следует заметить, что географическая близость исправительных учреждений к местам скопления бывших сталинских лагерей или даже семейный опыт заключенных не являются достаточными объяснениями репродукции субкультуры ГУЛАГа в современных условиях. Более вероятными кажутся причины, обоснованные ее социальными функциями и глубокой связью с ключевым для советской культурной политики разделением на «универсальный» мир русских и «этнический» мир национальных меньшинств. В этой перспективе мы имеем дело не столько с сохранением скрытых пластов наследия ГУЛАГа в отдаленных лагерях Восточной Сибири, сколько с группой причин, определяющих одновре-

менно «универсальный» характер мест заключения и все более ксенофобский мир по другую сторону решетки. В перспективе мест заключения это прежде всего отсутствие поводов деформации советской модели дружбы народов и перехода к более конфликтным моделям.

Одной из причин усиления межнациональных противоречий в Российской Федерации является противопоставление высокого уровня внутринациональной интеграции меньшинств и атомизации доминирующего этноса, что приводит к отсутствию возможности контроля сетей, созданных на этнической почве. Контраст между современными и традиционными формами социальной жизни вызывает потерю чувства безопасности и демонизацию кавказских и азиатских меньшинств. Русские сообщества заключенных не сталкиваются с проблемами подобного рода. Конфликты между разрозненными русскими и интегрированными меньшинствами не имеют места в тюрьмах, где самые яркие формы национальной солидарности подчинены универсальным моделям внеэтнического сообщества заключенных. Отсутствие этого конфликта приводит к тому, что – в отличие от ситуации, сложившейся на свободе, – этническая солидарность является элементом более сложной системы отношений и находится под контролем доминирующей группы.

Цель статьи – исследование дискурсивных практик, направленных на объяснение специфики межнациональных отношений в тюрьмах и лагерях Восточной Сибири в перспективе их разнообразных связей с трагическим наследием ГУЛАГа. Как определяются этнические и расовые границы в российской тюрьме, обладающей внеэтнической социальной структурой и однозначными этническими границами? Как социальные позиции, идеи расы (этничности) и постулируемая тюремной субкультурой «гендерная» иерархия создают мир, в котором одновременно присутствуют ярко выраженные идеи национального различия и вненациональной солидарности заключенных? Как можно представить связь этих установок с криминальной субкультурой ГУЛАГа, во многом дублирующей матрицы советской культурной политики? Поиск ответа на эти вопросы непосредственно связан с двумя исследовательскими перспективами. Первая – неомарксистский подход к этничности как к системе отношений, зависимой от существующих социальных и исторических условий (в том числе от исторического опыта). Это означает, что наблюдаемые этнические репрезентации всегда составляют часть более широкой социальной структуры и подчинены существующим механизмам доминирования и доступным моделям культурной репрезентации. Вторая – положение об эпистемологическом характере присутствия прошлого, что обозначает определяющее влияние современных условий на историческое познание в его любых формах. Как в научных нарративах, так и в воспоминаниях «простых людей» смысл прошлого (оценки, уроки, эмоциональный компонент) не существует объективно и является результатом интерпретации прошлого опыта исходя из перспективы сегодняшнего дня. Здесь память о прошлом может рассматриваться не только как его субъективное отражение, но и как социальная практика, определяющая социальный, политический или этнический статус сообщества. Проблемы общественного обсуждения сталинского прошлого в России вошли в стадию неразрешимого про-

тиворечия. Несмотря на антисталинский консенсус в академической среде и непоследовательную историческую политику по отношению к преступлениям сталинского режима, мы наблюдаем усиление ностальгических настроений и популярность имперских «прочтений» сталинского периода. Российские практики коллективной памяти колеблются в пространстве, определяемом двумя противоположными целями: сказать правду о репрессиях и продемонстрировать достижения советского периода. В этом случае память о репрессиях включается в контекст общественной памяти о Великой Отечественной войне, который в какой-то степени «нормализует» трагические события, воспринимающиеся как фрагмент трагического и величественного прошлого.

Кроме того, в этой перспективе обращает на себя внимание специфика восприятия трагического периода сталинских репрессий сообществом заключенных. Это касается как устоявшейся хронологии несправедливых репрессий, так и принятого в обществе разделения на справедливые (уголовные) и несправедливые (политические) приговоры сталинской эпохи. В общественном дискурсе смерть Иосифа Сталина (март 1953 года) означает конец массового террора и переход государства к более гуманным формам исполнения наказаний. С точки зрения заключенных, 1953 год был количественным, но не качественным сдвигом в системе наказаний, а позднее не только смерть Сталина, но и исчезновение СССР оказались не в силах сломать институциональную инерцию сталинской системы наказаний. Для большинства моих респондентов (бывших или нынешних мужчин-заключенных в Восточной Сибири) разногласия по поводу отношения общества к сталинской системе исполнения наказаний не затрагивают главного – способности ее адаптации к постсоветским условиям.

Главная идея статьи связана с прочтением термина «космополитизм» в перспективе советской оппозиции «универсальное – этническое». В этом контексте термин «космополитизм» относится прежде всего к возможности существования неэтнической культурной модели в обществе, построенном на этнических границах. Исходя из концепций, предложенных Кэролайн Хамфри и Юрием Слэзкиным, можно говорить о таком прочтении советской универсальности, в котором наиболее яркой чертой является доминантная позиция русских по отношению к меньшинствам. Двойной статус СССР (как общества, подчиненного идеологии, и содружества наций со специальным статусом русских) был ярко выражен в терминологии: если название страны не имело культурной или географической «привязки», то все республики имели этнические маркеры и воспринимались как дом титульной нации. Согласно концепции Слэзкиной, организационная структура СССР напоминала коммунальную квартиру, где каждая крупная нация имела свою комнату и все этнические группы были ранжированы по эволюционной шкале от малой народности к нации. В этой системе особую роль играла «русская комната» (РСФСР), бывшая одновременно общей и национальной. На уровне культурной политики похожее противоречие можно наблюдать в отношении «русские – другие народы СССР». Разделение на универсальное и этническое, во многом усиленное радикальным изменением статуса русской культуры после конца Второй мировой войны, привело к слиянию понятий «русификация», «модернизация» и «универсальность». Все

культуры, воспринимаемые как более восточные или отсталые по отношению к новому культурному канону, рассматривались в перспективе ориенталистской экзотизации. Похожее отношение проявлялось и к замкнутым русским сообществам, недостаточно включенным в процесс модернизации: сибирским старожилам, русским во Внутренней Азии, старообрядцам.

В отличие от Средней Азии, «пустые пространства» Сибири воспринимались не как спящий Восток, но как пространство реализации монументальных программ развития. Особенно это касается пограничных районов Восточной Сибири и Дальнего Востока, где форсированная индустриализация и ярко выраженное присутствие милитаристских институтов привели к стандартизации социальных и культурных форм жизни. Геополитические императивы защиты границы, дислокация большинства мест заключения и экстенсивная модель индустриализации привели к резким демографическим и, соответственно, культурным переменам в регионе. После распада СССР Российская Федерация во многом сохраняет универсалистскую модель управления культурным разнообразием. Важным фактором для нашего исследования является противоречие между неэтническим русским миром и этническим нерусским миром. Городское русское население видит себя жертвой аграрных, традиционных и коллективистских меньшинств, использующих коррумпированное государство для своих нужд. При этом гражданский статус не играет существенной роли: граждане России из Северного Кавказа лидируют во всех рейтингах сообществ, вызывающих тревогу, и одновременно граждане Белоруссии или Украины не воспринимаются как культурно чуждые принимающему обществу. В этой перспективе отсутствие этнического напряжения в местах заключения заслуживает внимания. Воспроизводство советской модели космополитического универсализма в условиях заключения дает возможность сообществам заключенных не только управлять культурным разнообразием, но и подчинить этническую и религиозную солидарность универсальному криминальному кодексу.

Проблема межнациональных отношений в местах заключения на территории Восточной Сибири рассматривается в статье в двух взаимосвязанных ракурсах: причины устойчивости сообществ заключенных против «вируса» ксенофобии, поразившего российское общество, и воспроизведение наследия советской криминальной субкультуры. На основе собранного материала в работе выдвинут тезис о социальной функциональности советской модели универсализма, позволяющей одновременную манифестацию этнической принадлежности и контролирующей возможности этнической солидарности. Во время интервью все респонденты воспринимали сложные отношения между универсальным и этническим в тюремной субкультуре не только как нормальные, но как единственно возможные. Часто подчеркивалось принципиальное отсутствие сколько-нибудь сильных этнических противоречий, которое продиктовано именно лагерными законами, акцентирующими социальный характер интеграции и «уважение» к представителям других культур. Несмотря на то, что эта идеалистическая картина, разумеется, не отражает всех нюансов лагерной жизни, она все-таки обозначает универсальный характер норм и подчинение этнической солидарности социальной иерархии. В статье рассмотрен генезис этой модели взаимодействия и ее связь с советской культурной политикой.

Вторым аспектом является характер связи опыта заключения со способами восприятия травматического опыта сталинских репрессий. Каждое сообщество, исключенное из нормальных условий жизни, может иметь свою перспективу восприятия травматического прошлого. Сообщества сибирских заключенных выделяются на этом фоне уникальным сочетанием тюремного опыта и локализацией в местах самого большого скопления лагерей, что, с одной стороны, резко актуализирует страшное прошлое, с другой – дает иные возможности его прочтения. Несмотря на то, что большинство респондентов в общем разделяло современный российский взгляд на период массовых репрессий, специфика их опыта давала им возможность по-другому взглянуть на причины, хронологию и сущность сталинской модели исполнения наказаний. Речь идет прежде всего об отрицании общепринятых границ между периодами несправедливых и справедливых наказаний (до и после смерти Сталина) и между правильно и неправильно наказанными. Способность государства к применению насилия была для всех очевидной, и различия со сталинским периодом воспринимались только как внутренние самоограничения системы. С этой точки зрения суть машины исполнения наказаний осталась прежней, и российское общество все еще не изменило своего отношения к арестантам. Очевидно и продолжение традиции «сфабрикованных» дел, и бесправие человека перед законом. Следует заметить, что, как и для остальных жителей постсоветского пространства, исчезновение СССР приводит к переносу советских языковых практик не только в новый контекст, но и в новую темпоральную структуру, в которой советские люди, объекты, пространства пытаются (при)обрести новый смысл. Вследствие этого память подчинена не только опыту и доступным благодаря культурной политике образам, но и грамматике тюремной субкультуры. Так, «неразделимость» красного цвета, символизирующего лагерный актив, советской символики и коммунистической идеологии позволяет описывать так называемые «красные лагеря» как заповедники советской жизни.

На основе проведенного исследования можно констатировать сохранение в сибирских местах заключения советской матрицы интеркультурного менеджмента на основе универсального кода поведения, подчиняющего этническую солидарность социальной локализации субъекта в криминальной иерархии, ее генетическую связь с криминальной субкультурой ГУЛАГа, специфику переживания прошлого заключенными, связанную с их местоположением, социальным статусом и опытом бесправия. Исследование показывает, что в ситуации, когда проявления этнического разнообразия подчинены универсальной идеологии, нет места для конфликтов на национальной почве. Это говорит о том, что советская модель космополитичности зависит от существующих культурных иерархий и от возможности контроля этнической солидарности. Травматическое прошлое не включается в перспективу крестного пути и не растворяется в глобификации великих свершений народа, но остается настоящим продолжением бесправия, унижения и равнодушия со стороны мира по другую сторону решетки. Несмотря на наивный словарь и смешение темпоральных режимов, следует отметить вес и этический потенциал этой модели памяти.